

Ф. Платтен в начале 40-х годов.

Человек, спасший Ленина

Фридрих (Фриц) Платтен родился 8 июля 1883 года в городке Таблат кантона Санкт-Галлен (Швейцария) в семье столяра-краснодеревщика. По профессии – слесарь.

Еще во время русской революции 1905–1907 годов Фридрих нелегально приехал в Россию, принимал активное участие в революционных событиях в Латвии, за что был арестован. Освободиться из Рижской тюрьмы под залог ему помогла первая жена Лина Хаит. Для этого ей пришлось продать все свое приданое, включая кольцо и серьги. Оказавшись на воле, в марте 1908 года Платтен нелегально покинул Ригу, прячась в паровой трубе. Однако расстался он, как выяснилось, не только с прибалтийской страной, но и с верной супругой – не выдержав напряженной революционной жизни мужа, Лина развелась с ним.

В 1911–1921 годах Платтен состоял в правлении социал-демократической партии Швейцарии, в 1912 году избран его секретарем. Руководил всеобщей забастовкой 1912 года в Цюрихе.

Во время первой мировой войны в Циммервальде познакомился с Владимиром Ильичом Лениным, с которым сдружился во время проживания последнего в Цюрихе. При помощи Платтена Владимир Ильич смог оформиться на жительство в городе и получил доступ к Центральной библиотеке социальной литературы.

А когда в феврале 1917 года в России случился переворот, Платтен был одним из тех, кто готовил и организовывал проезд из Германии в Россию пресловутого «пломбированного» вагона

«Швейцарский след» на Симбирской земле оказался неглубоким

А первый «инновационный проект» – неудачным. Сегодня о нем напоминают лишь полуразрушенная водонапорная башня, пара деревянных домов, срубленных «не по-нашему», да могилка на деревенском кладбище с иностранным именем на скромном обелиске. Под ним покоится прах Петера Платтена – отца швейцарского коммуниста, сподвижника В.И. Ленина и организатора первой иностранной коммуны на Симбирской земле.

с русскими революционерами, среди которых был и В.И. Ленин. Сам же Фридрих смог добраться до Петрограда лишь в декабре.

И, надо сказать, сделал это очень вовремя – не оказался он в нужное время в нужном месте, кто знает, как бы сложилась дальнейшая история нашей страны. Вечером 1 января 1918 года, когда Ленин в сопровождении швейцарского товарища возвращался из Михайловского манежа в Смольный, их автомобиль обстреляли. Согласно официальной версии, почувствовав опасность, Платтен пригнул голову спутника вниз, чем спас жизнь Владимира Ильича, однако при этом пострадал сам – пуля так и не пойманных террористов сорвала кожу на его пальце. Так дружба главы русских большевиков и швейцарских социал-демократов была скреплена кровью.

Фриц Платтен участвовал в основании Коммунистического Интернационала, входил в состав президиума I Конгресса Коминтерна. На протяжении 1919–1920 годов активно участвовал в революционном движении, за что подвергался преследованию и аресту со стороны властей Германии, Литвы, украинской Директории, Финляндии и Румынии, где снова был арестован. К этому времени он успел жениться второй раз. Его новая супруга Ольга была дочерью известного русского эсперантиста Николая Корзлинского. Узнав из газет, что ее муж приговорен румынским судом к казни через повешение, она 31 декабря 1918 года в Цюрихе покончила жизнь самоубийством, выбросившись из окна. Однако информация, как позже выяснилось, была ложной.

После возвращения в Швейцарию в 1920 году за «подстрекательство к восстанию» Платтен был осужден военным судом и заочно приговорен к шести месяцам заключения.

Как раз в это время, а именно 27 июля 1920 года, Платтен обратился к Ленину с письмом, в котором сообщал о желании группы швейцарских квалифицированных рабочих и инженеров переселиться в Советскую Россию. Возможно, поводом для этой просьбы послужил разговор, состоявшийся с Лениным еще в Москве. Тогда Владимир Ильич высказался о том, что неплохо было бы заграничным товарищам помочь русским крестьянам в построении новой жизни и освоении передовых сельскохозяйственных технологий, для чего создать в Советской России образцово-показательные сельхозкоммуны.

В Россию, к новой жизни

Идея была поддержана, но реализовать ее удалось лишь три года спустя. Летом 1923 года в Россию прибыла первая группа швейцарских добровольцев – 21 человек. Одиннадцать мужчин, четыре женщины и шестеро детей. Был среди первопроходцев и сам Фридрих, а также его 77-летний отец Петер Платтен и мать Паулина Платтен.

Согласно официальной версии, по предложению организатора будущей коммуны для расселения выбрали родину Ильича. И, поездив по губернии, остановились в Новой Лаве Канадейской волости (ныне Новоспасский район). Осенью сюда подтянулись и остальные эмигранты.

Когда-то село было имением графини Катковой. После революции его конфисковали и на «освободившихся» землях создали совхоз «Новолавинский». Однако к приезду швейцарских товарищей хозяйство так и не выбилося в передовые: небольшое количество лошадей и коров страдало от бескормицы, часть поголовья погибла, доставшиеся от графини два локомотива и немногочисленный инвентарь требовали капитального ремонта, обрабатывалась лишь шестая часть пахоты, остальное заросло бурьяном. Вот что говорится на сей счет в удостоверении, выданном Ф. Платтену Симгубземуправлением 11 марта 1924 года: «Арендуемый товариществом при с. Канадей Новолавинский совхоз представляет из себя в значительной части залежную площадь земельных угодий, заброшенную обработкой еще в период империалистической войны и увеличившуюся за революцию, почему для восстановления правильного хозяйства необходим громадный труд и материальные затраты по разработке образовавшейся целинной земли.

Настоящее удостоверение выдано для предоставления в налоговую комиссию на предмет освобождения от с/х налога в течение трех лет».

Вот эту «целину» и предстояло поднять членам вновь созданной интернациональной коммуны, которую назвали «Солидарность». Ее председателем был избран Фриц Платтен.

В интервью сызранской газете «Красный Октябрь» он так определил цель их прибытия в российскую глубинку: «Мы приехали в Россию не потому, что испугались преследования нас, коммунистов, швейцарскими властями. Наша главная цель — создать примерное хозяйство, дабы тем самым показать, как надо его вести по всем правилам агрономической культуры и научного опыта».

При этом Платтен умолчал о том, что за свой интернациональный порыв коммунарам придется недешево платить, в самом прямом смысле. Дело в том, что еще в октябре 1923 года на заседании Совета Народных Комиссаров (так называлось тогда правительство страны), где рассматривался вопрос о передаче швейцарским эмигрантам совхоза «Новая Лава», было решено пересмотреть предварительные условия и сдать

Ф. Платтен на митинге в Цюрихе 11 октября 1931 года. Фото из журнала «Tages Anzeiger» от 28.02.1976.

его в аренду, а не в концессию, как предполагалось прежде. Причем на условиях «возможного приближения их к тем условиям, которые даются русским крестьянам».

Договор был заключен сроком на 24 года — с 1 марта 1924 по 1 марта 1948 года. «Арендная плата за пользование советским хозяйством «Новая Лава» определяется за время действия настоящего договора в 33536 рублей золотом, вносимых Товариществом «Солидарность» Губземуправлению, в конце каждого операционного года, начиная со второго года пользования».

Весной 1924 года из-за границы прибыло пополнение и численность эмигрантов превысила 70 человек, около половины из которых — 34 человека — были коммунистами. Прибыли коммунары не с пустыми руками: в Швейцарии закупили гусеничный трактор

Коммунары боролись не только с засухой, но и с морозами.

мощностью 20 лошадиных сил, автогенный аппарат для ремонта техники, токарный станок, механизмы для резки и варки кормов, переработки молока и даже для наблюдения за погодой.

Кроме традиционных культур, коммунары собирались выращивать непривычные для этих мест кукурузу, клевер, люцерну и др.

Принявшись за работу, коммунары капитально отремонтировали шесть домов и четыре построили заново. Запустили мельницу и лесопилку, оборудовали столярную и слесарную мастерские. На животноводческой ферме, где было 11 дойных коров, 19 лошадей, гуси да куры, поставили соломо- и картофелерезки, распахали заброшенные земли. За селом разбили большой фруктовый сад, в самом селе открыли столовую и избу-читальню...

Трудились, что называется, не разгибая спины. «На плоской, бедной водой возвышенности мы боролись с засухой, свойственной району Новая Лава. В 1924 году знойное солнце уничтожило наши посевы. В сады нужно было вручную натаскивать тысячи ведер воды. Трудились в среднем по 12 часов. Лентяям у нас не было места», — писал в своем дневнике Ф. Платтен.

Местное население встретило пришельцев настороженно — разговаривают непонятно, дома строят не по нашему, «в лапу», строила какие-то уж очень островежные, как будто под черепицу предназначенны... Особенно удивлялись диковинной технике.

Осенью того же 1924 года в Канаде состоялась очередная сельхозярмарка, на которую съехались крестьяне из окрестных сел. Швейцарцы прикатили на своем тракторе – единственном в округе, а может быть, и во всей губернии. Сначала его подключили к молотилке, которая мгновенно расправилась с кучкой снопов, а потом, подцепив плуг, распахали изрядный «загон».

– Эка невидаль, – сказали мужики, – пахать там, где уже не раз пахано. Пусть бы его на залог, вот там он и сел бы.

Услышав это, швейцарцы выехали на плотно укатанную дорогу и пропахали ее, сделав борозды глубже прежних.

Постепенно отчуждение таяло. Нашли общий язык – преимущественно язык жестов. Но потом и разговаривать друг с другом научились и русско-швейцарские свадьбы стали играть.

Со временем Платтен перебрался в Москву, а в село наезжал лишь на революционные праздники. К весне 1927 года, поближе к столице, в село Васькино (ныне город Чехов), переселились и коммунары.

За все хорошее

Покончив с сельским хозяйством, Фриц Платтен окончательно обосновался в столице, где преподавал в институте новых языков. К этому времени он вновь женился. Третьей супругой Платтена стала Берта Циммерман (Берта Георгиевна Платтен-Циммерман во время проживания в СССР). Родилась она в 1902 году в Цюрихе. Работала иностранным секретарем службы связи Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала. В 1937 году арестована и осуждена как агент английской и германской разведок. 2 декабря того же года Военной Коллегией Верховного суда СССР за участие в троцкистской организации приговорена к расстрелу.

А 12 марта 1938 года пришли и за Фрицем. Его арестовали по подозрению в шпионаже в пользу одного из иностранных государств. Кроме того, при обыске изъяли хранившийся в квартире маузер, на который не было разрешения. Это дало повод для предположения, что Платтен намеревался совершить покушения на

руководителей ВКП(б) и советского правительства, хотя Платтен никогда не скрывал, что у него есть старый швейцарский револьвер, который он хранит как память о своей бурной революционной молодости.

О том, как проходил суд, Платтен написал 27 декабря 1939 года в письме Ольге Свенцицкой, с которой его связывали давние дружеские отношения: «Двадцать месяцев я сидел в

Москве и 29 октября предстал перед Военным трибуналом НКВД. Ни защитник, ни свидетели не были приглашены. Я защищался сам. В течение пяти часов меня допрашивали со всех сторон. Судьи были строги, но объективны. Приговор гласил: не виновен по ст. 58, п.п. 6, 8, 11. Виновен по ст. 182 (незаконное хранение оружия). Я благодарен суду за то, что приговор не затрагивает моей партийной чести. Думаю, что я буду освобожден до истечения 4 лет».

Увы, ожидания не оправдались. Для отбытия наказания Платтен был отправлен в Архангельскую область, где и скончался в тюремной больнице 24 апреля 1942 года – через месяц и 12 дней после отбытия всего срока.

По официальной версии, он «умер от сердечно-сосудистого заболевания».

По другой версии, которую огласил сын Платтена, выступая осенью 1988 года в Москве на вечере, посвященном 105-летию со дня рождения отца, еще в 1958 году сын получил покаянное письмо от бывшего лагерного конвоира, который писал, что по устному приказу начальника лично вывел Платтена за ограду и пристрелил его, ибо у того закончился лагерный срок.

Память

С высокого холма, на вершине которого приютился деревенский погост, открывается живописный вид на Новую Лаву. В центре видна но-

вая школа. С бассейном, с компьютерным классом, она вот уже два года пустует. Двенадцать местных детишек ездят учиться в соседнее село, за тридцать километров от дома. Закрылся детский садик, потому что рожать здесь практически некому. Населения едва ли наберется четыре сотни, в основном пенсионеров. Те, кто помоложе, разъехались, потому что работы в селе нет никакой. Животноводческий комплекс лежит в руинах. А в доме, где когда-то жили коммунары, сейчас обитают переселенцы из Казахстана. Но их мало.

Вот бы опять забрели к нам какие-нибудь иностранцы! Может, и подняли бы село?

Владимир Миронов

Дом, отмеченный мемориальной доской, срубленный коммунарами «пошвейцарски», а также остатки водонапорной башни являются объектами культурно-исторического наследия и находятся под охраной государства.

